

ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: КРИЗИС И ПОИСКИ ВЫХОДА

В.А. Летова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

В данной работе рассматриваются особенности современного искусства в свете постмодернистской трактовки; критерии художественности; содержательный и языковой уровни искусства.

Ключевые слова: искусство, мимезис, постмодернизм, бытие, быт, целостность, форма, содержание, личность.

ART IN THE CONTEMPORARY CULTURE: CRYISIS AND THE SEARCH FOR SOLUTION

This work analyses contemporary art in a context of postmodern philosophy, its form and content, existence and a way of life of a hero of modern art.

Keywords: art, postmodernism, mimesis, existence, way of life, integrity, form, content, personality.

Искусство рассматривается как важнейший уровень современной культуры. В современной культуре искусство давно уже приобретает главенствующую роль, при том, что в отсутствии абсолютов и объединяющих начал сама культура становится одним из них. Первостепенная значимость искусства усиливается в эпоху модернизма, когда кризис рубежа веков порождает отрицание старых ценностей и поиски новой духовности, непостижимой глубины, духовные прозрения, невиданные взлеты и падения.

Искусство, эстетический гуманизм становится абсолютом, стремится обрести новую красоту, свободу, почти безграничную, создать новый мир, новую реальность. Для этого ему

В.А. Летова, УрФУ. Искусство в современной культуре: кризис и поиски выхода

необходим новый язык, новые выразительные средства, способные воссоздать непостижимое, невыразимое, которое не может передать, понять религия и философия.

«Абсолют, к которому устремлены искусство и поэзия, есть высшее благо и последняя цель в данной иерархии, в иерархии духовного творчества, но это не последняя цель. То, что художник в качестве художника любит превыше всего, есть красота, в которой должно быть рождено произведение, а не Бог в качестве высшего Упорядочивателя человеческой жизни или в качестве самосушей Любви, изливающей на нас своё благоволение» [4; 176].

В этой безграничной свободе, в стремлении создать новую красоту, новую реальность, преобразить мир, художник становится демиургом, и, отрицая старое, пытается обрести новую гармонию, создать новый мир и человека. Но, создавая новую реальность, современное искусство всё менее стремится к созиданию, разрушая старые основы в поисках новых.

«Художник-авангардист заряжен испепеляющей энергией разрушения, неукротимым желанием переосмыслить, переделать, переоценить.... Каждый художник XX века будет, по сути дела, творцом особого мира образов, как правило, соотносённого с реальностью отнюдь не по принципу подобия (принцип мимезиса) и не через посредство общезначимой символики, а при помощи своего сугубо индивидуального художественного языка, рождённого невиданной прежде всего свободой творческого «я» [1; 12].

Искусство утрачивает миметический характер, одновременно переставая быть и выражением божественного вдохновения. Идея красоты постепенно уходит с авансцены искусства вместе с исчезновением сакральности, потерей целостности, ощущения единства мира и человека. В постмодернизме мир становится всё более бесструктурным, он представляет собой механическое соединение частей на основе коллажа и монтажа.

Постепенно исчезает ощущение мира, как целого в связи с утратой абсолюта, ощущением проблематичности, неопределённости человеческого существования. Сама культура становится неопределённой. Мир утрачивает центр, становится

полицентричным. Ощущение целостности художественного произведения в релятивном мире заменяется ощущением фрагментарности. Свобода как некий абсолют приводит к неопределённости и случайности, нарушению законов и норм. Человек теряет своё место в мире, утрачивает опору, метафизические основы.

Утратив своё место в мире, человек оказывается в мире без опоры, без законов и правил, которые становятся относительными и часто абсурдными. «Эдип нарушал законы бессознательно и был наказан за то, что нарушал их. Но законы и нормы существовали. Даже если их и нарушали.... Сейчас персонажи потеряны в мире без законов и норм, без правил и трансцендентальных понятий.... Да, персонажи без метафизических корней, может быть в поисках забытого центра, точки опоры, лежащей вне их» [2; 192].

Стремление к духовным поискам, вертикаль человеческого мира всё больше заменяется чем-то другим: остаётся либо горизонталь и плоскость (бытие заменяется бытом), либо «подполье», тёмные стороны подсознания. Повседневность не решает экзистенциальные и смысловые проблемы, вынуждает человека погружаться в быт, стремясь избавиться от мучающих его вопросов. Создаётся заколдованный круг.

«Глубина мира и глубина человека была заподозрена как какой-то страшный подвал, как грязное и душное подполье, набитое ужасами и призраками, как пространство исключительно низкого, зловещего, агрессивного.... Новейшая же современность пытается и вообще отменить реальность глубины — и декларативно, производя бесконечные демифологизации и деконструкции всего, что представлялось волнующим и значительным, — и непосредственно практически» [9; 261].

Обращение к плоскости превращает искусство в развлечение, ремесло, рационально продуманное и выстроенное действие (различные экшны, хеппенинги, инсталляции и т. д.) Рациональное, полезное, земное становится намного выше небесного, духовного. Вдохновение теряется в суете хаотичных дней или стремится подчиниться логическому обоснованию.

Образ Сальери с его рациональностью, стремлением превратить искусство в ремесло, вещь, становится одним

из своеобразных символов искусства. «Сальери — рефлексивный, интеллектуальный, травматический, познавший жёсткость бытия «как простую гамму». Сальери — вот это современный герой. На него покажут актуальные мыслители и художники: *Esse Homo*. В руках этого homo — история» [6; 445].

Современное искусство (в основном) теряет свою существенную характеристику — переживание, эмоциональность восприятия, катарсис. Оно становится все менее психологичным, с помощью иронии защищаясь от хаотичного и случайного мира, мира дисгармоничного и трагичного (пустое пространство П. Брука, мир без богов и надежд).

«Современное искусство в подавляющей его части — это ярмарка тщеславия, где главная цель — блеснуть оригинальностью и шокировать публику, ждущую острых ощущений и всего того, что уводит от действительности.... Итак, искусство в современном его состоянии не может вывести человечество из мира, где все становится объектом (а, следовательно, и предметом произвольной манипуляции), в действительный мир субъектов бытия, т.е. в мир «вещей в себе», в котором, как справедливо считал Кант, только и может существовать свобода и нравственность» [3; 32—33].

Что же остается в искусстве, утерявшем и во многом сознательно отбросившим свои основные константы, собственно делающие его искусством? Остается форма, которая выступает способом организации мира, его гармонизации, средством противостояния энтропии, тот новый язык, который был призван выразить невыразимое, а сейчас способен вызывать ассоциации, заставлять думать, а иногда и воздействовать на эмоциональное состояние человека.

Но поиски нового языка, которые так вдохновляли модернистов, уже исчерпаны для постмодернизма, который вынужден ощущать его безграничную власть. Форма уже перестаёт восприниматься как целое.

Но ведь именно форма улавливает вдохновенное, надчеловеческое ощущение Всего мира (ощущение Целого, Гармонии) выражает переживания человека, и, наконец, воспринимается не рассудком, не инстинктивно, а, эмоционально, интуитивно. Именно такая форма противостоит космической энтропии.

«Эта фундаментальная, простая, и только задним числом анализируемая потребность в форме, способность к форме, наслаждение формой и мучение бесформенности ставит самый общий вопрос о составе человека: может быть, даже о его соматическом составе» [8; 386].

Но утрата сакрального, антипсихологизм, «смерть автора», рациональное, выстроенное, механическое построение художественного произведения меняет само значение формы, то есть хаокосмос, бесструктурный мир создают какую-то другую форму (ризому). Нет абсолюта, нет предельных понятий, нет вертикали, глубина человеческого существования приобретает негативный характер, характер «подполья».

Красота, эстетический гуманизм остаются в прошлом. И всё же художник ищет вдохновение, эстетическое наслаждение, но, увы, чаще он находит его в негативном: либо в глубине «подполья», инстинктов, либо в повседневности, плоскости, ориентируясь на механическое, точное просчитывание ходов массовой культуры.

«Энергия отвращения, протеста, скандала, аннигиляции — последнее вдохновение нашей прозаичной цивилизации» [7; 414]. Но такая форма не имеет творческого, позитивного начала, хаосу не противостоит, не образует целое, воспринимается, в основном, рассудком и вызывает, скорее, протест.

«Выбрав покинутый смыслом и центром мир, мы сохраняем не себя, и даже не наличный status quo, а возможность беспрепятственно двигаться вниз и вниз, во всё более плоское и бессердечное существование. Привычное, хроническое благополучие. И его коррелят — разрушенная форма» [5; 352].

Постмодернистское искусство и философия, массовое искусство — не единственное направление современного искусства. Постмодернистскому образу жизни, кризисности современного искусства противостоят еле заметные, но всё же ощутимые поиски новой целостности, возвращения к духовности, стремление понять человека не как механизм, а как целое, осмыслить психологию современного героя. Искусство стремится вернуть утраченную гармонию, вечные ценности, соборное сознание, а, может быть, и создать

новое целое, пережить новое вдохновение, постижение Мира, эмоциональную форму, красоту.

1. Батракова С. П. Язык живописи авангарда и миф // Западное искусство. XX век: проблемы развития западного искусства XX века. СПб., Дмитрий Буланин, 2001.
2. Ионеско Э. Есть ли будущее у театра абсурда? Выступление на коллоквиуме «Конец абсурда» // Театр абсурда. СПб. Дмитрий Буланин, 2005.
3. Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта: Опыты теоретические и исторические. М., Едиториал УрСС, 2004.
4. Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX в. М., Политиздат, 1991.
5. Седакова О. А. Немного о поэзии. О её конце, начале и продолжении // Седакова О. А. Музыка. М., Издательство «Русский мир», 2006
6. Седакова О. А. Ноль, единица, миллион. Моцарт, Сальери и случай Оболенского // Седакова О. А. Музыка. М., Издательство «Русский мир», 2006
7. Седакова О. А. Поэзия за пределами стихотворства. // Седакова О. А. Музыка. М., Издательство «Русский мир», 2006
8. Седакова О. А. Поэзия и антропология // Седакова О. А. Музыка. М., Издательство «Русский мир», 2006
9. Седакова О. А. Счастливая тревога глубины // Седакова О. А. Музыка. М., Издательство «Русский мир», 2010.